

КАК ВОЗМОЖНА СОЦИОЭПИСТЕМОЛОГИЯ?

(Рецензия на книгу: Антоновский А.Ю. Социоэпистемология: о пространственно-временных и личностных измерениях общества. М. : Канон+, 2011. 400 с.)

В.Ю. КУЗНЕЦОВ

Неологизм заглавия привлекает внимание и вызывает одновременно интерес (Что же это такое непонятное?) и опасение (насколько это будет оправданным). Но еще из аннотации становится ясно, что речь идет о социальной эпистемологии – новой дисциплине, название которой, однако, уже было институционально закреплено названием сектора ИФ РАН, где работает автор. В этом смысле социоэпистемология оказывается всего-навсего оригинальным сокращением. Тем не менее уже во введении заявлена достаточно сильная программа построения социоэпистемологии как особой дисциплины, прослеживающей измерения пространства-времени и персональности-коллективности, – программа, попытка реализации которой предпринята в монографии. Масштаб замысла и фундаментальность подхода вызывают уважение, поэтому именно с этой программой прежде всего и стоит разбираться.

Безусловно, неразрывная связь социальности и знания сейчас очевидна для любого квалифицированного специалиста. Несомненно, что воплощается и реализуется эта связь посредством коммуникации.

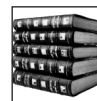
Однако, несмотря на многочисленные исследования различных аспектов, остается непонятной их взаимосвязь – не столько попарно, сколько в целом (в трудноуловимом единстве всего этого многообразия).

Конечно, книга Антоновского выгодно отличается от многих других широтой охвата концептуального поля – разобраны (с разной степенью подробности) подходы не только Лумана и Бурдьё, но и Маркса, Дюркгейма, Зиммеля, Мангейма, а также Дж. Мида, к сожалению, мало у нас известного. Кроме того, тут наличествуют редко встречающиеся сейчас амбициозные теоретические претензии – неотъемлемая часть серьезного философского проекта, а потому книга заслуживает не менее серьезного критического анализа.

Статус дисциплины. Во введении можно прочесть: «Мы понимаем социоэпистемологию как социологическую дисциплину...» [С. 3]. В таком случае резонно было бы ожидать разворачивания эмпирического социологического исследования со всеми полагающимися по жанру формулами, графиками и диаграммами в стиле, например, Ю.Л. Качанова, или же теоретического социологического исследования в стиле, например, А.Ф. Филиппова или В.В. Волкова и О.В. Хархордина. Тогда речь должна была бы идти скорее о социологии знания или даже социологии эпистем, чем о социальной эпистемологии. Причем в случае знания о самом обществе образуется уже концептуализированная Луманом ситуация самоописания обществ – посредством в том числе и (или даже в первую очередь) со-

циологии. Однако постепенно выясняется, что проект Антоновского более сложный и интересный. Дело идет о знании и познании вообще. Но в этом случае становится уже совершенно непонятно, зачем социоэпистемологию называть социологической дисциплиной, тем более когда «социо-» приставляется к эпистемологии, которая тем самым остается де-факто основой и опорой.

Тем не менее «само название этой дисциплины изначально указывает на две референции: *знание и общество*» [С. 3]. Такое утверждение, кажется, должно было бы свидетельствовать не только и не столько об их неразрывной связи, из которой вытекает необходимость их совместного рассмотрения, но прежде всего – о необходимости их понимания/трактовки друг через друга. Однако дальше читаем: «Определяя одно, мы не можем в какой-то степени не определить и другое: ведь конститутивный для понимания общества процесс коммуникации... структурно совпадает с процессом (по)знания» [С. 3]. Вдобавок также утверждается: «Общество... мы понимаем... как коммуникативное общение во всех его видах» [С. 3–4]. Так что в результате намечается (но не выполняется: книга-то ведь не о коммуникации прежде всего) какое-то нечувствительное растворение всего и вся в некоей всеобъемлющей и всепоглощающей коммуникации – растворение, которое востребовало бы создания универсальной теории именно коммуникации, посредством которой (теории, разворачивающейся опять-таки коммуникативно) в свою очередь можно было бы описать/объяснить и общество, и знание, равно

как, наверное, и культуру, и человека, и все остальное. Разумеется, без понимания коммуникации мы общество не поймем; но из этого еще не следует, что исчерпывающее понимание общества может быть сведено к коммуникации.

Структура исследования.

Первый раздел книги – под названием «Общество и знание» – действительно, на первый взгляд, следует заявленной во введении двойственности рассмотрения, поскольку включает две главы, в которых последовательно рассматриваются общество и знание. Однако при более пристальном изучении обнаруживается, что симметрия – постижение общества посредством знания и постижение знания посредством общества – тут только кажущаяся. И если в главе о знании (с подзаголовком «К социальному характеру эпистемологических понятий») используется социальный (как минимум коммуникативный) контекст в качестве необходимого обстоятельства современной концептуализации знания, то глава об обществе (с показательным подзаголовком «К понятию общества и его эпистемологического содержания») строится совершенно иначе – речь идет о теории общества прежде всего, т.е. о познании самого общества (хотя и с помощью понятия коммуникации), а вовсе не о способах функционирования знания в обществе. Конечно, что-то знать об обществе мы можем только в результате осуществления его познания, но если бы мы хотели трактовать одно через другое для построения двуединой концепции, стоило бы провести четкую границу между одним и другим для создания возможности

их систематического сопоставления.

Второй раздел книги – «Становление эпистемологии» – вдруг вводит (неожиданно и безо всяких объяснений) историческое измерение исследования, которое позиционировалось как теоретическое. Возможно, историческое «вместо-введения» более уместно выглядело бы в начале книги. Далее, несмотря на жесткую привязку к персоналиям, идут главы, посвященные социоэпистемологии пространства, времени и персональности, причем внутри последней главы прячется также коллективность, – надо полагать, таким образом реализуется заявленное в аннотации рассмотрение соответствующих измерений. Не очень понятно, почему было бы сразу не сделать структурирование текста непосредственно по линиям задекларированной проблематики – тогда обоснование теоретического выделения именно таких измерений заодно выступило бы одновременно обоснованием композиции книги. Естественно, проще всего идти по пути поочередного изложения (пускай даже и с сопутствующей критикой) релевантных концепций в последовательности их исторического возникновения и развития, но если братья за формирование собственной концепции (а тем более – дисциплины), то реконструкция эволюции взглядов предшественников должна становиться некоторой начальной фазой исследования и/или преамбулой в разворачивании оригинальной конструкции, где даже заимствованные компоненты должны обрести свое место уже согласно содержательной логике нового устройства теории.

Порядки рефлексии. Никуда не деться от того неодолимого обстоятельства, что любая серьезно обоснованная и масштабная претензия на создание фундаментальной концепции (тем более, дисциплины) оказывается неизбежно философской по своему статусу. Поскольку именно философия (и только она одна!) предполагает постановку предельных вопросов, включая вопрос о своей собственной специфике. Например, вопрос «что такое математика?» никоим образом не математический, а философский, равно как и вопрос «что такое философия?». Разумеется, искусство, скажем, тоже может обращаться на самое себя, рефлекслируя об искусстве средствами самого искусства; но только философия способна поставить вопрос «что такое искусство?» концептуальными средствами. Поэтому особенно удивительно, что автору книги кажется «странным то, что эпистемология (теория знания) оказывается дисциплиной особого рода – теорией знания, имеющей своим предметом теорию знания» (С. 75), тем более что он сам замечает во введении, что «наблюдение в свою очередь дано лишь коммуникативно: оказывается направленным на общение – как на объект наблюдения, и в то же время является продуктом такого же общения, подводя нас к циркулярно-парадоксальному вопросу о наблюдении процесса наблюдения» (С. 4). Если не учитывать неустраняемую самоприменимость социологической эпистемологии в качестве одной из

принципиальных черт, задающих и определяющих ее специфику, тогда она действительно превратится в разновидность конкретно-научной дисциплины и займет свое скромное место где-нибудь между наукометрией и социологией науки.

Перформативность и телесность коммуникации. К безусловным заслугам автора книги относится постоянное внимание к коммуникации, практически целиком пронизывающее текст. Однако ее обсуждение ведется мимоходом и не выделяется, к сожалению, в какой-то специальный раздел. Это было бы, наверное, весьма непросто сделать, учитывая нелокальность и нелокализуемость коммуникативных интеракций, хотя и, по-видимому, необходимо для фокусированной теоретической концептуализации. С одной стороны, коммуникация воплощает собой реализацию социальных отношений, которые могут актуализироваться только коммуникативно, в интерактивном обмене. С другой стороны, общество все-таки не сводится (вопреки утверждениям Антоновского (С. 3–4)) исключительно к общению, поскольку социум представляет собой более или менее устойчивый и постоянно воспроизводящийся паттерн суперпозиции всего множества потенциальных и актуальных коммуникативных взаимодействий. Именно поэтому социология не редуцируется к теории коммуникации, несмотря на все большее использование ее ресурсов.